

Культурная регуляция социального поведения в ситуации нестабильности: на примере практик успеха

Аннотация

В центр внимания предлагаемого исследования автором положены культурно-символические механизмы регуляции социального поведения в ситуации социальной нестабильности. В теоретической части автор предлагает собственное понимание социальной нестабильности, вытекающее из нелинейных взглядов на общественную динамику. Этот подход позволяет выделить два типа нестабильности — “нестабильность-1” и “нестабильность-2”, принципиально отличающиеся по механизмам, которые регулируют социальное поведение. Аргументированно утверждается, что в нашей стране мы сейчас имеем дело с ситуацией “нестабильности-2”, в которой системные процессы подчиняются спонтанным, непрогнозируемым, самоорганизационным факторам регуляции. Последние при определенных уточнениях можно отождествить с культурными механизмами. В эмпирической части рассмотрена конкретная форма социального поведения — практики успеха. Показано, что символическая фигура успешного человека, регулирующая эти практики в нашей реальной социокультурной ситуации, самоорганизационно формируется под влиянием тех моделей успешной жизни, которые существуют в рамках таких различных культурных полей, как традиция, модерн и криминальная субкультура.

Ключевые слова: социальная нестабильность, социальная самоорганизация, символическая регуляция, практики успеха

Выбрав своей целью рассмотрение *практик успеха*, я, собственно, буду говорить об определенных *формах социального поведения*, направленных на достижение успеха, и об особенностях регуляции этого поведения в конкретных условиях *социокультурной нестабильности*, сложившейся в настоящее время в нашей стране. В центре внимания будут культурные факторы

регулятивного влияния на различные социальные практики, в том числе на практики успеха. Во второй части статьи я намерена работать с конкретным эмпирическим материалом, но считаю необходимым начать с вопросов теоретического и достаточно общего характера. Общая *теоретическая конструкция* должна помочь нам с определением смыслового наполнения основных рабочих понятий. Главное здесь — прояснить, что имеется в виду, когда речь идет о *социальной нестабильности*, поскольку именно это составит основной контекст, в котором я буду рассматривать регулятивные влияния на социальные практики. Благодаря четкому пониманию того, какие смыслы можно вкладывать в понятия социальной нестабильности, я надеюсь аргументировать актуализацию обращения к вопросу культурных факторов регуляции в условиях высокого уровня неравновесности социальной системы, или высокого уровня социальной нестабильности.

Основные понятия и концептуальные схемы

Понятие *социального поведения*, которое является *объектом исследования*, я конкретизирую через понятие *социальных практик* не случайно, поскольку считаю необходимым рассматривать именно те формы поведенческих проявлений, которые отличаются от социального действия (при котором поведенческие акты являются продуктом осознанного выбора), но и не являются просто реакцией на определенные стимулы. Практики, как известно, являются продуктом как сознательной, так и несознательной, габитуально обусловленной настроенности на определенные поведенческие акты [Бурдые, 1998]. Нужно отметить, что именно к такому пониманию социального поведения склонялось большинство участников отечественного виртуального круга стола, которые обсуждали этот вопрос в он-лайн дискуссии [Регуляция социального поведения..., 2011]. Решение в пользу понятия практик выглядит, на мой взгляд, вполне оправданным в контексте выбранной проблемы — анализа символической регуляции поведения (в нашем случае — практик успеха), поскольку каналами влияния этого типа регуляции являются не только осознанно отрефлексированные выборы, но и обусловленные чувствами и переживаниями неосознанные настроенности на конкретные действия, за которыми стоит индивидуальная резонансность с определенными символически закодированными культурными содержаниями.

Однако необходимость обращения к символическим регуляторам требует аргументации, а именно в контексте аргументации того, что в ситуации значительной дестабилизации социальной системы культурные механизмы становятся основными механизмами регуляции социального поведения.

Попробую прояснить то *понимание социокультурной нестабильности*, которое актуализирует вопросы регуляции социального поведения. С этой целью очерчу те *концептуальные контуры*, в которых будут разворачиваться дальнейшие рассуждения и все основные понятия — *социальной нестабильности, регуляции, факторов регуляции* — получают конкретные определения. Эти концептуальные положения позволят определиться с рабочей *моделью социальных процессов*, в которую упомянутые понятия будут входить в качестве составляющих.

По моему мнению, все вопросы, связанные с *кризисными, нестабильными, хаотическими или даже катастрофическими системными состояниями*, с наибольшей адекватностью могут быть рассмотрены в рамках методоло-

гических подходов, опирающихся на базовые представления о социальных процессах, которые подчиняются закономерностям, присущим нелинейным *системным объектам*. Если рассматривать общество сквозь призму таких моделей, ситуация социальной нестабильности, неуравновешенности приобретает особый интерес, поскольку согласно этим моделям становится очевидно, что процессы в состояниях нестабильности качественно (а не только количественно) отличаются от относительно стабильных состояний. И ключевой для нас вопрос регуляции социального поведения в рамках таких моделей приобретает рельефность, ведь в нелинейных системах мы должны различать *состояния действительно стабильные, состояния нестабильности первого рода* (которые часто также квалифицируются как стабильные) и *состояния нестабильности второго рода*, которые действительно заслуживают того, чтобы их обозначать как неравновесные.

Чем же так существенно отличаются эти состояния, если смотреть на них сквозь призму особенностей регуляторных влияний? Чем так существенно будет *отличаться* регуляция в этих, по сути, трех различных состояниях?

Главный смысл, содержащийся в понятии *регуляции*, связан с системной потребностью удерживаться в относительно равновесном, сбалансированном состоянии, что делает регулятивные влияния средством *поддержания системного гомеостаза*. Три названных состояния как раз и отличаются по качеству и эффективности усилий, направленных на поддержание гомеостаза.

В первом *практически стабильном* состоянии эти регулятивные усилия минимальны. Общество почти не демонстрирует отклонений от гомеостатического состояния. (Примеры таких обществ — архаические общности, которые живут закрыто и изолированно, тоталитарные общества, которые тоже ради такой стабильности выбирают изолированные формы существования.) К теме подобных обществ я обращусь далее, но не они представляют собой наш центральный предмет.

Состояние нестабильности — это по определению состояние утраты гомеостаза. Но здесь имеются варианты. *Первый тип нестабильности*, который мы в дальнейшем будем обозначать как нестабильность-1, — это когда отклонения наблюдаются, но они не выходят за пределы, и регулятивными влияниями можно вернуть систему к гомеостатическим характеристикам. Подобная нестабильность является, по сути, нормальной формой существования любого жизнеспособного образования — будь то человеческий организм, корпорация или общество в целом. Эти *псевдостабильные состояния* в плане регуляции характеризуются тем, что регулятивные влияния в них имеют тоже относительно стабильный характер. Присутствуя в системных процессах, они сами по себе являются весьма устойчивыми и отрегулированными, далекими от спонтанности, стандартизированными, если можно так выразиться. Разумеется, мы никогда не наблюдаем полной стабильности, но в состояниях, когда отклонение от гомеостаза или эволюционного мейнстримного продвижения незначительно и в определенной мере прогнозируемо, регулятивные влияния можно считать составляющими этого продвижения. Это то, что в терминах теории управления можно связать с понятием негативной обратной связи, системной реакции на незначительные отклонения. И форматы такой реакции являются существенным системным параметром, характеризующим меру способности системы к самосохранению.

На *уровне социального поведения*, или (в нашем контексте) социальных практик, стабильные и относительно стабильные социальные состояния (нестабильность-1) проявляются в достаточно высокой степени согласованности социальных практик членов общества. Эта согласованность, которую часто обозначают как нормативную согласованность, воплощается в определенном соответствии практик того или иного индивида ожиданиям других в отношении этих практических проявлений. Отдельные отклонения регулируются привычными, вписанными в параметры социокультурной системы, средствами (институциональными и культурными стимулами к поддержанию устойчивого порядка или, опять-таки, институциональными и культурными санкциями к тем, кто его нарушает). Конечно, не все эти отклонения можно гасить упомянутыми механизмами. И в этом основная интрига — до какого предела эти отклонения допустимы и не нарушают состояние нестабильности-1. Здесь я остановлюсь лишь на констатации того, что этот вопрос существует, и весьма существенный. Подробнее к нему я вернусь чуть позже, когда начну работать с понятием *социальной энтропии*.

Пока же обратимся к ситуации нестабильности второго рода, или *нестабильности-2*. Она наступает в том случае, когда гомеостаз утрачен необратимо, и уже недействительны средства обратной связи, существовавшие при предыдущей нестабильности-1. Вписанные в системные параметры институциональные и культурные регуляторы перестают работать, демонстрируют свою безвозвратно утраченную функциональность. *Макроповедение системы* качественно меняется, и главное, что характеризует в этих состояниях такое макроповедение, — это *попытки спонтанного выхода на новые гомеостатические состояния*.

Итак, можно констатировать, что поддержание *прежнего* равновесия и образование *нового* — это две существенно различные черты, характеризующие процессы регуляции в состоянии нестабильности-1 (псевдостабильности) и настоящей нестабильности-2.

Исходя из такого представления, можно утверждать: *вопрос факторов регуляции* и трансформации различных практических схем актуализируется и получает особое значение именно в случае ситуации социокультурной нестабильности-2.

На *уровне социального поведения и практик социокультурная нестабильность-2* имеет ощутимые отличия от относительно стабильных состояний и проявляется в существенном нарушении прежней согласованности практик и ожиданий, что можно описать в терминах разрушения устойчивой нормативной системы. Таким образом, вопросы о *том*, какие факторы регуляции социального поведения здесь начинают *действовать* и что в этом случае будет означать регуляцию, — оказываются очень актуальными. На языке практик это означает: с помощью каких факторов система способна вернуться к относительно уравновешенному состоянию, обеспечить хотя бы относительное новое соответствие социальных практик и соответствующих ожиданий касательно их? Чем эти факторы в своей совокупности будут отличаться от работавших при гомеостатических состояниях и близких к ним?

Здесь мы, собственно, выходим на *вопрос поддержания социального порядка* (гомеостаза) и *образования нового социального порядка* (после нарушения гомеостаза).

Выбор *нелинейного взгляда* на системные процессы в плане моделирования механизмов системных изменений отсылает к представлению о существовании *организационных и самоорганизационных* механизмов создания социального порядка и, соответственно, организационных и самоорганизационных механизмов *поддержания гомеостаза и выхода на новые состояния социального равновесия* в случае разрушения прежней гомеостатичности [Бевзенко, 2002]. Опираясь на эти модели, можно утверждать, что *стабильность, нестабильность-1 и нестабильность-2 отличаются соотношением организационных и самоорганизационных механизмов в системной регуляции*. Если в условиях двух первых мы наблюдаем определенную согласованность, сбалансированность организационных и самоорганизационных механизмов, то в ситуации социальной нестабильности-2 организационные механизмы оказываются почти недейственными, и, соответственно, именно самоорганизационные регуляторы приобретают первоочередную значимость и становятся основными регулятивными факторами.

На более *привычном языке институциональных и культурных регуляторов организационные механизмы* (с некоторыми уточнениями) можно отождествить с *институциональными* (когда под институтами понимаются довольно жесткие, организационно оформленные, формализованные средства регулятивного влияния), а *самоорганизационные* — с *культурными* (когда под культурой имеется в виду определенный, зачастую скрытый за ее поверхностью реестр мифов и игровых порядков, которые задают правила игры и организуют социальные практики в разных социальных полях). Таким образом, по этой логике можно утверждать, что именно *культурные* (самоорганизационные) регуляторы выходят на первое место в ситуации социокультурной нестабильности-2.

В терминах *культурной регуляции* социального поведения (социальных практик) можно говорить о факторах, действующих посредством поддержания весомости общепринятых норм, ценностей, смыслов, символов (в случае стабильности и нестабильности-1) и о весьма быстром, иногда болезненном и неожиданном для общества утверждении новых *норм, ценностей, смыслов и символов*, которые начинают регулировать социальное поведение и согласовывать практики и ожидания в периоды нестабильности-2.

Как следует из самоорганизационных представлений, эти новые ценностные, нормативные, смысловые и символические порядки предстают как проявления новых игровых правил, изначально спонтанно возникающих в отдельных локальных местах социального пространства, в отдельных группах и отдельных социальных полях, а уже потом распространяющихся на значительную часть общества, обеспечивая либо очередное состояние общественного равновесия, либо неустойчивые переходные равновесные состояния. Таких претендентов на установление новых правил игры в ситуации нестабильности-2 может быть несколько, они выступают в виде конкурирующих культурно-символических предложений. Как места локального появления этих игровых порядков, так и факт их распространения на значительные социальные ареалы часто имеют неожиданный и непрогнозируемый характер, что, впрочем, выводит на состояние относительной согласованности ожиданий и практик, которое и составляет в данной статье предмет интереса.

Как правило, эти *новые порядки* не возникают произвольно, они привносятся отличными, нежели при прежнем равновесном состоянии, культур-

ными предложениями, хранившимися или появившимися в культурных “запасниках” того социума, о нестабильности которого идет речь. Возможность их активизации как раз и открывается в ситуации нестабильности-2. Реестр таких влияний, часто конкурирующих друг с другом, формируется из различных источников — из смежных культурных массивов, из того, что в общественной памяти связано с предшествующими историческими этапами общественной жизни, из весьма маргинальных локальных порядков. Однако иногда эти новые форматы выглядят как действительно новые и образуют основу масштабных культурных трансформаций.

В этой точке рассуждений возникает проблема объединения макроуровневых моделей с микроуровневыми эффектами, на которые они указывают. Все приведенное выше касалось в большей мере системного уровня, рассматриваемого в терминах скорее макроуровневых событий. На фоне проблемы социального поведения, являющейся, по сути, проблемой *микроуровневого порядка*, это вызывает вопрос — что же является признаком перехода от относительно стабильного состояния (нестабильность-1) к состоянию критически нестабильному (нестабильность-2) именно на микроуровне общественных проявлений? Что означают как нестабильность-1, так и нестабильность-2 применительно к повседневным практикам?

И здесь я должна обратиться к одному понятию, которое позволяет наилучшим образом объединять два указанных уровня социальной реальности. Это пока еще не очень привычное для социологов понятие *социальной энтропии*. Будучи ключевым понятием в системных моделях, оно касается, по сути, именно микроуровневых событий.

Обратимся к этому понятию подробнее, к тем начальным смыслам, из которых оно родилось. Появление этого понятия связано с необходимостью работать с такими понятиями, как хаос и порядок на уровне их взаимообусловленности и взаимозависимости. Поскольку вопрос отношения между социальным порядком и социальным хаосом является ключевым для ситуации социальной нестабильности, понятие социальной энтропии имеет существенный методологический потенциал.

Обычное понимание энтропии как меры хаоса здесь приобретает социальный смысл. На языке социальных отношений и взаимодействий энтропия — это мера общественной неинтегрированности, несогласованности, неконсолидированности, разобщенности. Иными словами, рост энтропии характеризуется активизацией всех форм поведения, противоположных описываемым словами “солидарность”, “кооперация”, “взаимоподдержка”, “доверие”, “диалог”, “консенсус”, “коллективизм”, “экологизм”, “коллективная идентичность”, наконец “дружба” и “любовь”. И отсюда признаком нестабильности, роста энтропии являются появление и усиление именно этих, противоположных перечисленным, проявлений в действиях и поведении членов социума.

Разумеется, здесь может возникнуть вопрос — для чего нужно это понятие энтропии, если уже имеется ряд хорошо работающих упомянутых понятий? Дело в том, что этот перечень терминов мы можем еще долго продолжать, хотя и названного достаточно, чтобы утверждать — все они не являются независимыми, а скорее описывают определенные аспекты чего-то одного, что и обуславливает их взаимную корреляцию. Это одно можно назвать уменьшением связанности членов общества между собой, увеличением общественной дистанции, что проявляется во всех названных выше формах —

усилении недоверия, равнодушия, несогласованности, индивидуализованности и т.п. Это происходит на уровне межличностных отношений и на уровне отношений между человеком и разными институтами. На макроуровне это приводит к увеличению общей энтропии общества; интегрируя проявления микроуровневого характера, энтропия проявляется как важная системная характеристика. Таким образом от микро- и мезоуровня мы можем перейти к макроуровню и делать выводы об общем состоянии системы, исходя из ее энтропийных показателей.

Что означает “общее состояние системы” и как здесь работает понятие энтропии, хорошо видно при рассмотрении вопроса *социальной нестабильности*. Понятие энтропии благодаря его включенности в общие модели позволяет объяснять и осмысливать неоднозначность понятия нестабильности. Почему, как говорилось выше, нестабильность-1 радикально отличается от нестабильности-2? Почему в одном случае можно возвращать систему (общество) в гомеостатические состояния, а в другом — нельзя?

И снова здесь наилучшим объясняющим инструментом оказывается понятие энтропии. Она, как и все названные выше понятия, не является характеристикой однозначно позитивной или негативной. Энтропия (как консолидация, интеграция, доверие) работает на позитив общества и на его развитие лишь в определенных пределах. Эти пределы связаны с гомеостатическим или эволюционным продвижением общества через состояния нестабильности-1. Как слишком низкие, так и слишком высокие энтропийные показатели ведут к нестабильности-2, к предельному возрастанию хаоса. Соответственно, можно утверждать, что доверие, солидарность, коллективизм, интегрированность тоже хороши лишь в определенных пределах. (Как в определенных пределах положительным является соблюдение общих норм, ожиданий, стереотипов, но за этими пределами получаем консервативность, торможение адаптивности и инновационности.)

На абстрактном системном уровне эту неоднозначность энтропийных показателей, необходимость удерживать их в определенных рамках для предотвращения выхода на нестабильность-2 можно даже *определить количественно*. В случае социальных систем эти количественные показатели измерить не так легко, но предположительно (чтобы иметь скорее качественное представление), можно утверждать, что общественное развитие будет эволюционным тогда, когда единство будет превышать разобщенность по крайней мере вдвое. Но в то же время явные проявления разобщенности, неповиновения, отклонения от норм должны наблюдаться хотя бы на уровне вчетверо меньшем, чем проявления единства и согласованности. Это те пределы, тот энтропийный коридор, где возможно социальное развитие, прогресс. За этими пределами нас ожидает нестабильность-2, при которой феноменология социальной жизни уже далека от той, которая соответствует так называемому устойчивому развитию.

Нарушение меры в сторону увеличения разобщенности (возрастание энтропии) быстро приводит к нестабильности-2. Но и слишком большое единство (слишком низкая энтропия) ведет к нестабильности-2, хотя и другим путем. В свое время *низкая энтропия* традиционных обществ привела к торможению их развития, невозможности противостоять определенным внешним вызовам и в итоге к революциям, которые вывели западные общества на путь модернизации. Индивидуализированное современное общество существенно увеличило энтропийные показатели, люди значительно от-

делились друг от друга, но это высвободило креативность, что увеличило общую общественную адаптивность. Долгое время рост энтропии современного общества, все большая индивидуализация не выходили за пределы нестабильности-1, что обеспечивало сохранение гомеостаза наряду с быстрым прогрессивным развитием. Но, похоже, эти пределы уже близки. Кризис индивидуализации, на который довольно четко указал З.Бауман [Бауман, 2002], и является кризисом слишком высокой энтропии. Неслучайно тема доверия, консолидации, экологизации стала одной из ведущих для западных социологов, которые раньше к ней обращались не часто. Сейчас они с удивлением обнаруживают, что более традиционные общества типа Японии оказываются более стабильными, указывая на доверие как на один из признаков, обеспечивающих им эту стабильность. О японском обществе как раз и можно сказать, что энтропийный уровень там на оптимальной отметке, и это обуславливает ту удивительную способность к адаптации и регуляции в ситуациях тяжелых испытаний, которые продемонстрировала Япония после землетрясения в марте 2011 года. Примером пагубности слишком низких энтропийных показателей, как и слишком высокой стабильности, являются тоталитарные общества. Интегрированность, доверие, консолидация там высоки, однако пример Северной Кореи чудесно демонстрирует, к чему это приводит.

Думаю, понятие социальной энтропии содержит достаточный *эвристический потенциал* и может служить источником многих новых интересных идей и гипотез. С одной стороны, на макроуровне это понятие вписано в макрозакономерности, системные процессы, с другой — на макроуровне оно тесно связано с интерпретациями, смыслами, повседневностью. Ведь доверие и недоверие, любовь и ненависть, поддержка и равнодушие — все это рождается из тех смыслов, которые человек вкладывает в ту или иную социальную ситуацию. В каждом отдельном случае — это конкретная человеческая судьба. Только на уровне системных эмерджентных эффектов это становится социальной энтропией и начинает работать согласно логике нелинейных системных закономерностей.

Есть еще один момент методологического порядка, усиливающий весомость понятия социальной энтропии. Его весомость становится очевидной тогда, когда говорят о системных подходах в социологии, о социальных системах. Именно это понятие позволяет качественно отличать социальную систему от просто социальной среды. Системные эффекты, эмерджентность и системность как таковые возникают при наличии небольших энтропийных характеристик, поскольку признаком любой системности являются связи между элементами и эмерджентные свойства. Низкая энтропия не противоречит связям и согласованностям. Система распадается и превращается в совокупность элементов, собственно в среду (в нашем случае — социальную) при существенном возрастании энтропийных показателей.

Однако от этих абстрактных схем попытаюсь приблизиться к нашим реалиям.

Украинская нестабильность-2

Согласно приведенной выше концептуальной модели моей первой задачей будет аргументировать утверждение, что мы находимся сейчас в той ситуации нестабильности-2, когда организационные механизмы регуляции малоэффективны и нужно сосредоточиться на культурных факторах.

О том, что мы переживаем, и довольно давно, ситуацию социокультурной *нестабильности скорее второго типа*, ярко свидетельствует хотя бы фиксация уменьшения взаимного доверия граждан, которое, по данным наших мониторинговых исследований, неустанно сужается, тяготея сугубо к кругу семьи [Українське суспільство, 2011]. Низкий уровень солидарности, сужение круга групповой идентичности и готовность уехать из нашей страны — все это признаки разрывов в ткани социальных связей, что указывает на возрастание социальной энтропии. Отечественные социологи к теме доверия обращаются все чаще, что свидетельствует о том же — энтропийные показатели общества опасно возрастают.

Но что дает нам основания говорить о *нестабильности скорее второго*, нежели первого рода?

Конечно, грань между этими двумя состояниями довольно размытая. И законным является вопрос, почему в западных странах, в отличие от нас, рост недоверия не сигнализирует о нестабильности-2? Здесь важен второй признак — действенность институциональных, организационных механизмов социальной регуляции. Хотя события последних лет, кризисные явления в западных странах тоже приводят к тому, что эти институциональные механизмы часто пробуксовывают, на что указывал З.Бауман, мера институциональной несостоятельности там не выглядит такой высокой, как у нас. Недоверие наших граждан к разным институтам, нежелание обращаться в правоохранительные органы, к государственным служащим, врачам — все это указывает на то, что в представлении наших граждан эти институты не работают. На *уровне практик* имеем возрастание несогласования ожиданий (сформировавшихся при прежних институциональных порядках) и практик, которые складываются сейчас.

Нестабильность-2 означает, что наступает момент *активизации самоорганизационных системных регуляторов*, которые уже не нацелены на сохранение прежнего гомеостатического состояния, а пытаются спонтанно вывести на новое системное равновесие, новую системную стабильность. Эти механизмы я выше определила как культурные. Как и следовало ожидать в ситуации, когда прежний культурный (мифологический, символический, ценностный, нормативный) каркас уже не удерживает социум в относительно стабильном состоянии, культурные претенденты на его замену начинают заполнять нормативные “пустоты”.

Наблюдающаяся у нас культурная ситуация выглядит как поле напряженной конкуренции различных культурных модусов — традиционной культуры, советской культуры, современных культурных образцов и даже постмодерных нормативно-ценностных предложений. Здесь же, хоть и не с такой силой, включаются в игру культурные и субкультурные форматы этнического происхождения, из исторической памяти и из социальных маргиналий возникают различные региональные культурные образования. (Вспомним историю Галицкой республики, Донецко-Криворожскую республику, к которой снова начали обращаться.) Субкультурные маргиналии в виде криминальной субкультуры или разных экзотических религиозных движений тоже выступают игроками на ярмарке культурных предложений. Каждый из этих культурных или субкультурных модусов предлагает свои мифы и игры и, соответственно, связанные с этим смыслы, символы, нормы и ценности. Актуально приходится констатировать ситуацию разрушения преж-

него культурного комплекса, на котором держалось общество в советские времена, и уже продолжительное действие нескольких плохо согласованных между собой культурных разрозненностей. Конкуренция между разными культурными модусами задает реальный ход событий — она то чуть притупляется, то набирает новые обороты, со сцены сходят одни игроки с их игровыми правилами и внезапно появляются другие. Новая стабильность — это победа в данной конкуренции какого-то одного или комбинации нескольких новых игровых правил, новых культурных форматов. Именно это и обеспечивает тот регулятивный эффект, проявляющийся в новой согласованности ожиданий и практик, на которую нацеливают новые правила игры.

Опираясь на самоорганизационные представления, сразу же подчеркнуту — от тех настроенных на позитив ожиданий, которые ассоциируются со словом “регуляция”, здесь нам придется отказаться. Самоорганизационная регуляция — это спонтанный процесс, и уже по самой своей природе она не может гарантировать нам выхода на позитивные нормы и ценности. Она может только направлять процессы в сторону новой согласованности практик и ожиданий. И если победу в конкуренции имеющихся культурных предложений одерживают криминальные субкультурные порядки, возвышаясь до уровня общепринятых норм, это лишь означает, что данный путь новой согласованности оказался в существующих условиях наиболее эффективным.

Еще раз уточню рассматриваемую конкретную проблему как поиск ответа на вопрос: как в такой ситуации на уровне конкретных форм социальных практик культура демонстрирует свою регуляторную силу? Какие культурные трансформации на уровне смыслов, символов при этом происходят, обеспечивая им роль регуляторов социальных практик? Посмотрим на это сквозь призму конкретных практик успеха.

Символическая регуляция практик успеха

От аргументации весомости изучения культурных факторов регуляции социального поведения перейдем к более конкретному предмету нашего рассмотрения. В качестве таких конкретных социальных практик рассмотрим практики успеха и их трансформацию под влиянием указанных самоорганизационных по своей природе культурных процессов.

Трудно отрицать, что в каждом культурном формате одним из основных регуляторов социального поведения является вмонтированное в систему культурно предлагаемых смыслов представление о социально успешной жизни. Это явление не всегда обозначалось понятием успех; скажем, в советские времена этот термин почти не использовали для обозначения общественных целей, к которым должен был стремиться человек. Но представление о том, что значит иметь высокий социальный статус, каждая культура, включая советскую, обязательно предлагает, создавая тем самым вектор направленности многих общественных практик. Собственно термином “успех” это начали обозначать лишь в рамках той культуры, которую условно можно определять как модерную. Это во многом было связано с процессами индивидуализации, на которые эта культура опиралась. Подобный сдвиг давал основания перейти от размытого в условиях традиции представления об успешной жизни в терминах родовых признаков к определению успешности как преимущественно индивидуального достояния.

Указанная особенность нашей культурной ситуации в проекции на смысл социального успеха ведет к сосуществованию нескольких смысловых образований, которые плохо согласуются между собой [Бевзенко, 2000]. Представления об успехе, предлагаемые традиционной культурой и близкой к ней советской (и связанные с коллективными субъектами социальной жизни), начинают активно конкурировать с достигнутыми индивидуализированными форматами успеха культуры модерна.

Как это отражается на *практиках социального успеха*?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, сделаю одно уточнение — будем говорить не о той стороне успешности, которая связана с субъективным переживанием успеха и близка к ощущению счастья. Это отдельная сторона вопроса и отдельный разговор о том, какая культура какому формату успеха — объективному или субъективному — отдает предпочтение и чем эти два аспекта успеха отличаются друг от друга. Этому вопросу уделяли немало внимания, в частности в нашей социологии (см., напр.: [Ануфриева, 1995; Бевзенко, 2009; Злобина, 2004]). Но сейчас речь пойдет именно о *социальном успехе*, связанном в рамках современных культурных форматов с достигнутыми устремлениями.

Под *практиками объективного социального успеха* будем понимать направленность социального поведения на получение определенных символических подтверждений успешной жизни, тех символов, по которым человека можно признать успешным в соответствии со стандартами успешности, присущими определенной культуре.

Весь комплекс практик успеха можно поделить на *две составляющих*. С одной стороны, стремление к получению *символических признаков успешности*, так сказать, конечная цель таких практик. В плане изучения символических регуляторов данной составляющей практик успеха интересно посмотреть, как именно та или иная культура или субкультура символически кодирует эту цель. Нужно отметить, что иногда весьма отдаленные по своей сути культурные форматы могут кодировать цель практик успеха очень близкими символическими рядами. Особую унификацию эти коды приобретают в контексте общества потребления и тех стилей жизни, которые символически фиксируют высшие социальные ступени. Здесь даже поверхностного наблюдения достаточно, чтобы утверждать — потребительские символы успешности в наших социокультурных реалиях весьма близки к существующим в развитых странах.

Но есть и другой, не менее, а в нашей ситуации, может, и более интересный срез данной проблемы — это *путь к данной цели*. Речь идет о тех составляющих практик успеха, которые связаны с поиском и получением ресурсов его достижения, ресурсов получения упомянутых выше символических признаков (Бурдье сказал бы — символического капитала). В отличие от отдаленной конечной цели, эти ресурсы являются тем, что регулирует повседневные практики. Изо дня в день, не вполне осознавая, а иногда и вовсе не осознавая того, человек прокладывает свой путь успешности, в большей или меньшей мере ориентируясь на присутствующие в общественном символическом пространстве символические образы успешного человека — в том числе и в плане имеющихся у него ресурсов.

Все больше конкретизируя свою задачу в плане эмпирического решения, я задаюсь целью реконструировать ту символическую фигуру успешного человека, которая активно влияет на практики успеха наших людей;

сделать акцент в этой реконструкции именно на тех ресурсах достижения успеха, которыми пользуется этот гипотетический персонаж в наших конкретных социокультурных реалиях.

Интерес и рельефность такой задаче реконструкции должна придать и *двойная реконструкция*, к которой я намереваюсь прибегнуть, а именно реконструкция этой символической фигуры в рамках нашей нестабильной, размытой культурной реальности, с одной стороны, а с другой — реконструкция того представления наших граждан о подобного рода символической фигуре, но взятой в рамках стабильной современной культуры. Различие между этими двумя символическими персонажами позволит нам понять, за счет каких компромиссов нашей переходной культуре удастся достичь пусть даже относительного равновесия между ожиданиями по поводу практик успеха и собственно практиками успеха.

Несколько слов о *построении инструментария*. Исходной теоретической концепцией здесь послужило представление П.Бурдьё о том, что наряду с экономическим мы обладаем целым рядом различных капиталов, используемых в практиках успеха [Бурдьё, 2002; Радаев, 2002]. Имея эти капиталы, мы стремимся либо конвертировать их на успех и его символы, либо осуществить промежуточный обмен одних капиталов на другие, более ходовые в смысле обмена на успех. (Скажем, такой человеческий капитал, как красота, можно обменять на более высокую социальную позицию, участвуя в конкурсе красоты или выйдя замуж за миллионера.)

В приведенной ниже таблице 1 содержится, с одной стороны, список этих капиталов, а с другой — те их эмпирические индикаторы, которые мы использовали в процессе опроса. Разумеется, об исчерпывающей полноте наполнения этой таблицы не приходится говорить, однако главные составляющие соответствующих капиталов сюда вошли.

Главным вопросом, который предлагался нашим респондентам, был следующий: “Что из перечисленного ниже, на Ваш взгляд, является самым важным для достижения человеком высокого социального положения в нашей стране и в странах Запада?” Список перечисленных ресурсов был сформирован из содержащихся в таблице 1 индикаторов.

В течение 2009–2011 годов этот вопрос мы адресовали разным аудиториям. В 2009-м его использовали в общенациональном опросе¹, а в 2011-м — в опросе двух весьма показательных в этом плане аудиторий — выпускников школ и учителей старших классов². Нужно сказать, что временное расстояние в два года почти не сказалось на общей картине, то есть на обобщенном портрете того символического персонажа, который ищет путь к социальному успеху в наших реалиях.

1 Общественное мнение в Украине — 2009 (Омнибус — 2009). Институт социологии НАНУ. Опрошено 1700 респондентов, выборка, репрезентативная по признакам возраста, пола и местожительства. Апрель–май 2009 года, погрешность выборки в пределах 1,18–0,33%.

2 Общенациональное исследование выпускников средних школ и учителей старших классов. Институт социологии НАНУ и Институт педагогики НАПН. Опрошено 1013 выпускников и 1066 учителей старших классов. Выборка репрезентативная по полу и местожительству. Погрешность первой и второй выборки 3,16–0,8% (сентябрь–октябрь 2011 года).

Эмпирические индикаторы разновидностей капитала

Разновидности капитала	Ресурсы как компоненты соответствующего капитала
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ	Высокий интеллект, способности
	Привлекательная внешность
	Хорошее здоровье
	Готовность идти на риск
ЛИЧНОСТНЫЙ	Умение иногда обходить закон
	Честность, принципиальность
	Эгоизм, индивидуализм
	Стремление и умение делать людям добро
СОЦИАЛЬНЫЙ	Происхождение из семьи с высоким социальным положением
	Влиятельные родственники
	Влиятельные друзья
КУЛЬТУРНЫЙ	Знание иностранных языков
	Хорошее образование
	Воспитанность, хорошие манеры
	Умение убеждать, красноречие
	Политическая информированность
	Умение распоряжаться деньгами
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ	Материальное состояние
	Обеспеченные родители

Опрос школьников и учителей в контексте поставленной задачи является очень ценным. Школьники-выпускники — это наиболее чувствительная к таким символам аудитория, поскольку их стремление к социальному успеху еще не подавлено негативным опытом неудач, и они активно ищут ресурсы, которые считают задействованными в наблюдаемых ими реальных практиках успеха. В ответах учителей отражается их двойной опыт — собственный жизненный путь, а также оценка жизненного пути своих предыдущих учеников, выпускников прежних лет, судьбу которых учителя могут проследить, часто зная и те обстоятельства, в которых дети выросли и добивались успеха. Речь идет о некоторых биографических моментах — мера влиятельности родителей, их достаток, социальный статус семьи, уровень интеллекта ребенка, уровень его образования. То есть учителя здесь могут выступать как достаточно компетентные эксперты по предложенной проблеме.

Я привожу три спаренные таблицы (2; 3; 4), в которых хорошо видны те выборы, которые сделали наши респонденты в этих опросах. Выборы в таблицах проранжированы в порядке весомости, что должно облегчить реконструкцию успешных символических персонажей. В каждой из этих двух пар слева размещена таблица, из которой хорошо виден порядок весомости перечисленных ресурсов *в условиях нашей страны*, а справа — соответственно, таблица, отражающая порядок весомости тех же ресурсов *в условиях западных стран*. Конечно, напомним, речь идет не о реальной ситуации на Западе, а о том, как это представляют наши граждане.

Таблица 2

**Ресурсы достижения высокого социального положения,
по мнению граждан Украины, 2009, %***

**Порядок весомости ресурсов
достижения социального успеха
в НАШЕЙ СТРАНЕ**

<i>Ран-жиро-вание</i>	<i>Варианты ответов</i>	<i>Распре-деление ответов</i>
1	Влиятельные родственники	51,1
2	Происхождение из семьи с высоким социальным положением	37,9
3	Обеспеченные родители	36,5
4	Умение иногда обходить закон	33,1
5	Высокий интеллект, способности	30,3
6	Хорошее здоровье	27,6
7	Влиятельные друзья	27,0
8	Хорошее образование	25,8
9	Готовность идти на риск	18,6
10	Умение распоряжаться деньгами	14,4
11	Знание иностранных языков	12,8
12	Умение убеждать, красноречие	12,3
13	Эгоизм, индивидуализм	12,0
14	Привлекательная внешность	11,1
15	Честность, принципиальность	11,0
16	Готовность помогать людям	10,2
17	Политическая осведомленность	7,0
18	Стремление и умение делать людям добро	6,1
19	Воспитанность, хорошие манеры	4,8

**Порядок весомости ресурсов
достижения социального успеха
в СТРАНАХ ЗАПАДА**

<i>Ран-жиро-вание</i>	<i>Варианты ответов</i>	<i>Распре-деление ответов</i>
1	Высокий интеллект, способности	56,1
2	Хорошее образование	49,0
3	Происхождение из семьи с высоким социальным положением	24,2
4	Умение распоряжаться деньгами	23,7
5	Хорошее здоровье	23,0
6	Знание иностранных языков	22,6
7	Готовность идти на риск	18,3
8	Честность, принципиальность	18,3
9	Обеспеченные родители	15,5
10	Умение убеждать, красноречие	13,7
11	Влиятельные родственники	12,8
12	Воспитанность, хорошие манеры	11,2
13	Политическая осведомленность	9,9
14	Привлекательная внешность	9,7
15	Готовность помогать людям	8,1
16	Влиятельные друзья	7,3
17	Эгоизм, индивидуализм	6,1
18	Умение обходить закон	5,3
19	Стремление и умение делать людям добро	5,2

* По ответам на вопрос: "Что из перечисленного ниже, на Ваш взгляд, является самым важным для достижения человеком высокого социального положения в нашей стране и в странах Запада?". Респонденты могли выбирать до 5-ти вариантов ответа.

Таблица 3

**Ресурсы достижения высокого социального положения,
по мнению украинских школьников, 2011, %***

**Порядок весомости ресурсов
достижения социального успеха
в НАШЕЙ СТРАНЕ**

**Порядок весомости ресурсов
достижения социального успеха
в СТРАНАХ ЗАПАДА**

<i>Ран-жиро-вание</i>	<i>Варианты ответов</i>	<i>Распре-деление ответов</i>
1	Влиятельные родственники	43,6
2	Высокий интеллект, способности	41,9
3	Умение иногда обходить закон	36,6
4	Обеспеченные родители	35,7
5	Хорошее образование	35,6
6	Хорошее здоровье	32,3
7	Готовность идти на риск	29,8
8	Привлекательная внешность	28,9
9	Умение убеждать, красноречие	28,8
10	Происхождение из семьи с высоким социальным статусом	28,1
11	Влиятельные друзья	27,5
12	Знание иностранных языков	26,2
13	Эгоизм, индивидуализм	23,2
14	Умение правильно распоряжаться деньгами	21,8
15	Честность, принципиальность	19,1
16	Готовность помогать людям	18,8
17	Стремление и умение делать людям добро	16,3
18	Политическая грамотность	15,3
19	Воспитанность, хорошие манеры	14,9

<i>Ран-жиро-вание</i>	<i>Варианты ответов</i>	<i>Распре-деление ответов</i>
1	Высокий интеллект, способности	61,2
2	Хорошее образование	58,8
3	Знание иностранных языков	42,6
4	Честность, принципиальность	33,1
5	Политическая грамотность	31,4
6	Хорошее здоровье	30,4
7	Умение правильно распоряжаться деньгами	27,9
8	Готовность помогать людям	26,8
9	Воспитанность, хорошие манеры	24,4
10	Готовность идти на риск	20,8
11	Умение убеждать, красноречие	20,3
12	Происхождение из семьи с высоким социальным статусом	19,7
13	Стремление и умение делать людям добро	17,6
14	Обеспеченные родители	14,7
15	Привлекательная внешность	14,2
16	Влиятельные родственники	11,5
17	Эгоизм, индивидуализм	9,8
18	Влиятельные друзья	9,5
19	Умение иногда обходить закон	8,8

* По ответам на вопрос: "Что из перечисленного ниже, на Ваш взгляд, является самым важным для достижения человеком высокого социального положения в нашей стране и в странах Запада?". Респонденты могли выбирать до 5-ти вариантов ответа.

Таблица 4

**Ресурсы достижения высокого социального положения,
по мнению украинских учителей, 2011, %***

Порядок весомости ресурсов достижения социального успеха в НАШЕЙ СТРАНЕ

<i>Ран-жиро-вание</i>	<i>Варианты ответов</i>	<i>Распре-деление ответов</i>
1	Влиятельные родственники	54,9
2	Происхождение из семьи с высоким социальным статусом	54,5
3	Обеспеченные родители	50,9
4	Высокий интеллект, способности	37,0
5	Умение иногда обойти закон	34,9
6	Влиятельные друзья	32,3
7	Хорошее образование	30,9
8	Хорошее здоровье	27,5
9	Знание иностранных языков	24,7
10	Готовность идти на риск	22,4
11	Умение правильно распоряжаться деньгами	17,5
12	Умение убеждать, красноречие	17,1
13	Привлекательная внешность	12,7
14	Эгоизм, индивидуализм	11,4
15	Честность, принципиальность	10,8
16	Готовность помогать людям	10,5
17	Политическая грамотность	9,8
18	Стремление и умение делать людям добро	6,4
19	Воспитанность, хорошие манеры	5,9

Порядок весомости ресурсов достижения социального успеха в СТРАНАХ ЗАПАДА

<i>Ран-жиро-вание</i>	<i>Варианты ответов</i>	<i>Распре-деление ответов</i>
1	Высокий интеллект, способности	80,1
2	Хорошее образование	69,0
3	Знание иностранных языков	35,2
4	Хорошее здоровье	33,8
5	Умение правильно распоряжаться деньгами	33,0
6	Готовность идти на риск	27,8
7	Умение убеждать, красноречие	26,4
8	Происхождение из семьи с высоким социальным статусом	25,3
9	Политическая грамотность	23,3
10	Честность, принципиальность	21,7
11	Воспитанность, хорошие манеры	13,9
12	Готовность помогать людям	11,4
13	Обеспеченные родители	10,8
14	Эгоизм, индивидуализм	9,6
15	Привлекательная внешность	7,2
16	Влиятельные родственники	6,5
17	Стремление и умение делать людям добро	5,3
18	Влиятельные друзья	4,5
19	Умение иногда обойти закон	3,7

* По ответам на вопрос: "Что из перечисленного ниже, на Ваш взгляд, является самым важным для достижения человеком высокого социального положения в нашей стране и в странах Запада?". Респонденты могли выбирать до 5-ти вариантов ответа.

Приведенные данные дают основания сразу сделать вывод о том значительном расстоянии между ресурсами, которые представляются действительными в плане достижения социального успеха в нашей стране и, соответственно, в странах модернизированного Запада. Такой вывод можно сделать, сравнив первые пять позиций во всех трех спаренных таблицах.

Проведем это сравнение в терминах анонсированной выше реконструкции присутствующей в сознании наших граждан символической фигуры человека, способного достигать высоких социальных позиций в реалиях наших и западных. Замечу, что проективный формат вопроса методически адекватен подобной задаче, ведь именно так люди высказывались по поводу сложившегося у них общего впечатления об успешной жизни, а не по поводу собственных биографических обстоятельств, которые мы часто склонны описывать менее объективно, чем чужие.

Начнем с символического отражения практик успеха в нашей стране. Для такой реконструкции возьмем первые пять позиций из всех левых частей таблиц (табл. 2; 3; 4). Эти позиции дают нам представление о тех основных капиталах, которыми, по мнению наших респондентов, должны обладать у нас те, кто стремится успешно преодолеть ступени нашей социальной лестницы. Стремление к успеху, соответственно, влечет за собой стремление обладать этими капиталами, приумножать их и обменивать на успех, на что и будут нацелены практики успеха такого человека. Что мы видим? Результаты всех трех опросов здесь почти полностью совпадают. Главное, что можно сказать об этой символической фигуре, — она имеет мощный социальный капитал в виде *влиятельных родственников* — это первая позиция во всех трех таблицах. Экономический капитал в виде *обеспеченных родителей* тоже вошел в пятерку первых выборов для всех трех опрошенных аудиторий. Из ряда вариантов ответов, которые характеризуют личностный капитал нашего символического персонажа, сюда вошло его *умение иногда обходить закон*. И четвертая общая для всех трех таблиц позиция, которую мы отнесли к человеческому капиталу, — это *высокий интеллект и способности*. Ради справедливости нужно отметить, что школьники в эту пятерку включили также *хорошее образование*, хотя в общенациональном опросе этот ответ занял лишь восьмую позицию, а в случае учителей — седьмую.

Чтобы завершить этот общий символический портрет успешного человека, следует обратиться к тем составляющим упомянутых капиталов, которые нашим респондентам представляются наименее важными для достижения успеха в наших социокультурных реалиях. Их мы обнаружим, соответственно, в последних пяти позициях анализируемых таблиц. Здесь наши опрошенные аудитории оказались не менее единодушными, и есть четыре из пяти позиций, содержащихся во всех трех таблицах на последних местах, — это *честность и принципиальность, воспитанность, хорошие манеры, готовность помогать людям, стремление и умение делать людям добро*. Как видим, все это очень близкие по своей сути ответы, и касаются они тех составляющих личностного и культурного капитала, которые коррелируют с человечностью, нравственностью.

Обобщая, можно сказать: с точки зрения наших респондентов, символический персонаж, который имеет шансы быть в нашей стране успешным, представляет собой человека, прежде всего обеспеченного поддержкой влиятельных родственников и, стремясь к успеху, именно на них надеется в

первую очередь. Это человек из далеко не бедной семьи, он не слишком заботится о таких вещах, как законопослушность, и умеет обходить законы, когда нужно. Соответственно, такие понятия, как честность и принципиальность, ему не свойственны уже исходя из предыдущей характеристики — трудно быть честным и нарушать законы одновременно. Не обременяют нашего героя и такие добродетели, как воспитанность, хорошие манеры, умение быть добрым к людям. А вот интеллектом и способностями наш символический персонаж не обделен и на этот ресурс серьезно полагается. Правда, исходя с того, что интеллект и способности — вещи ценностно нейтральные, можно прийти к выводу — интеллектуальное сопровождение нужно прежде всего для большей эффективности таких ресурсов, как влияние семьи, ее обеспеченность и умение удачно обходить закон.

Символическая фигура аналогичного персонажу на фоне реалий *западной модернизированной культуры* в глазах наших респондентов выглядит не столь четкой и согласованной в плане резонирования ответов всех трех указанных аудиторий. Среди первых пяти позиций в правых частях таблиц 2; 3; 4 общими являются *высокий интеллект и способности*, а также *хорошее образование*. А вот среди пяти последних — *влиятельные друзья* и *умение иногда нарушать закон*.

Как видим, общими для двух наших символических фигур, стремящихся к успеху в различных социокультурных условиях, таких как наша переходность и западная модерность, оказываются высокий интеллект и способности. Это единственное, в чем мы на данное время пересекаемся с современными стандартами в рамках выбранной системы анализа.

Что можно сказать о нашем символическом персонаже успешного человека и о его символическом пути к успеху в контексте влияний тех различных культурных модусов, о которых речь шла выше? Думаю, мы можем констатировать довольно химерное сочетание культурных запросов традиции (влиятельные родственники, обеспеченные родители), модерна (высокий интеллект и способности) и криминальной субкультуры (умение нарушать закон). И это сочетание составляет нашу нынешнюю социокультурную реальность с ее символическими фигурами, смыслами и нормами, активно регулирующими практики успеха в нашей стране.

Здесь, безусловно, можно услышать упрек в том, что этот образ слишком обобщенный. Действительно, когда мы прибегаем к более подробному анализу, в проекции на разные социологические категории граждан, это сразу бросается в глаза. Скажем, на массиве выпускников средних школ (опрос 2011 года) анализ по половым и поселенческим характеристикам дает весьма интересные результаты. Они представлены в таблице 5. Для сравнения в первом столбце приведены показатели по всему массиву. Уже беглого взгляда достаточно, чтобы сказать — регулятивная в отношении практик успеха символическая фигура разнится для девушек и юношей, сельских и городских детей. Девушки на родственников склонны полагаться меньше, а вот на образование — больше. Сельские дети тоже не слишком полагаются на влиятельную родню, а вот образование им представляется более весомым ресурсом по сравнению с городскими детьми¹.

¹ В тексте интерпретируются расхождения, значимость которых не превышает 0,05.

Таблица 5

Распределение мнений выпускников касательно значимости ресурсов достижения высокого социального статуса, 2001, N = 1013, %*

Варианты ответов	Весь массив	Крупный город (более 250 тыс. жителей)	Небольшой город или поселок го- родского типа	Село	Мужчины	Женщины
Влиятельные родственники	43,6	46,9	46,9	36,0	46,1	41,6
Высокий интеллект, способности	41,9	40,8	45,9	38,1	42,9	40,4
Умение иногда обходить закон	36,6	40,3	36,7	31,3	42,2	31,5
Хорошее образование	35,6	31,7	35,7	40,1	31,6	38,8
Хорошее здоровье	32,3	24,8	33,4	42,8	29,0	36,5
Готовность идти на риск	29,8	29,1	32,5	28,6	32,0	28,4
Привлекательная внешность	28,9	26,7	34,8	25,6	27,9	29,9
Умение убеждать, красноречие	28,8	25,6	31,5	28,6	25,1	31,3
Происхождение из семьи с вы- соким социальным статусом	28,1	28,8	29,5	25,9	26,2	29,9
Влиятельные друзья	27,5	27,7	33,8	21,2	31,0	24,7
Знание иностранных языков	26,2	27,5	26,2	25,3	24,7	28,2
Эгоизм, индивидуализм	23,2	22,9	26,9	19,5	26,4	20,4
Умение правильно распоря- жаться деньгами	21,8	17,6	21,0	28,3	19,9	23,5
Честность, принципиальность	19,1	15,7	21,3	21,9	20,6	18,3
Готовность помогать людям	18,8	16,0	20,0	21,9	18,2	19,8
Стремление и умение делать людям добро	16,3	16,5	18,7	13,8	16,0	16,7
Политическая грамотность	15,3	9,9	17,7	19,9	16,0	14,8
Воспитанность, хорошие манеры	14,9	10,4	18,4	16,2	14,3	15,0

* На основании ответов на вопрос: "Что из перечисленного ниже, на Ваш взгляд, является самым важным для достижения человеком высокого социального статуса в нашей стране и в странах Запада?". Респонденты могли выбирать до 5-ти вариантов ответа.

Портреты, которые можно представить, реконструируя регулируемые символические фигуры для каждой из обозначенных категорий, заслуживают более подробного анализа, но выявленные различия пока существенно не влияют на общую картину, хотя вселяют некоторую надежду на изменение тенденции. Анализ результатов, представленных в таблице 5, а также приведенных выше дает основания для определенных выводов.

Заключение

Актуальность обращения к культурным факторам регуляции социального поведения в условиях социальной нестабильности требует аргументации, предполагающей адекватную концептуализацию явления социальной нестабильности.

На мой взгляд, все вопросы, связанные с кризисными, нестабильными, хаотичными или катастрофическими системными состояниями, с наибольшей адекватностью можно рассмотреть в рамках методологических подходов, базирующихся на представлении о социальных процессах как подчиняющихся закономерностям, присущим нелинейным системным объектам. В рамках такой модели мы должны различать три качественно отличных системных состояния — состояния по-настоящему стабильные, состояния нестабильности-1 (которые часто тоже квалифицируются как стабильные) и состояния нестабильности-2, действительно заслуживающие того, чтобы их обозначать этим термином.

Определив факторы регуляции социального поведения как совокупность механизмов, обеспечивающих сбалансированность, упорядоченность социальной системы на уровне поведенческих проявлений, мы можем утверждать — эти факторы существенно разнятся в этих трех названных состояниях. В стабильных состояниях поддержание социального гомеостаза почти не требует особых регуляторных влияний, существующие нормативные порядки (как культурные, так и институциональные) стабильны и значительных отклонений не наблюдается. В состояниях нестабильности-1 наблюдается заметное отклонение от системного гомеостаза и равновесия, но эти отклонения способны гасить факторы, которые имеют характер обратной связи, входят в присущие системе институциональные и культурные регулятивные средства. И хотя поведенческие отклонения в этом случае уже могут быть существенными, запас прочности свойственных системе институциональных и культурных регуляторов еще сохраняется, что позволяет сохранять колебание вокруг гомеостатического состояния именно в формате колебания. А вот состояния нестабильности-2 отличаются тем, что предыдущие гомеостатические состояния необратимо утрачивают свой статус основы социального порядка, и система выходит на спонтанный поиск новых гомеостатических контуров. В отношении факторов регуляции в данном случае можно сказать — прежние институционально-культурные рычаги быстро утрачивают способность оказывать регуляторное влияние. Социальная система входит в режим спонтанного, самоорганизационного поиска новых состояний равновесия, новых гомеостатических упорядочений. Главными механизмами формирования нового порядка становятся самоорганизационные механизмы, которые в определенных условиях можно отождествлять с культурными (если под культурой подразумевать тот часто скрытый за ее поверхностью реестр мифов и игровых порядков, которые задают правила игры и организуют социальные практики в различных социальных полях). На уровне поведенческих проявлений это ситуации спонтанного появления новых правил игры, новых регуляторных смыслов и символов, что и перестраивает общий рисунок социальных практик.

Конкретные реалии социокультурной ситуации, сложившейся сейчас в нашей стране, с достаточной степенью аргументированности можно квали-

фицировать как состояние нестабильности-2. А это означает, что налицо самоорганизационное переформатирование смыслового и символического пространств, призванных регулировать основные социальные практики. Интереснее всего здесь выглядят практики успеха, поскольку они оказываются неотъемлемой частью тех новых правил игры, которые возникают вследствие самоорганизационной перенастройки системы. В ситуации нестабильности-2 наблюдается спонтанное оформление новых правил игры в успешную жизнь, новых доминирующих символов успеха, что влечет за собой соответствующие практики успеха.

Три масштабных эмпирических исследования показали, что сформированный в сознания наших граждан символический образ человека, стремящегося к социальному успеху в наших реалиях и имеющего шансы его достичь, можно описать так: это достаточно умный, интеллектуально одаренный человек, который, впрочем, эти свои способности использует прежде всего для того, чтобы умело задействовать в процессе преодоления социальных вершин такие ресурсы, как влиятельная родня, экономический капитал родителей и умение удачно нарушать законы. Образование хоть и не на последнем месте, пока что выглядит ресурсом среднего веса. При этом наши граждане достаточно рельефно отличаются в своем символическом пространстве две символические фигуры — того, кто стремится и может достичь успеха в нашей стране, и того, кто идет к этой цели в странах Запада. Общим у этих двух персонажей является только то, что они одарены от природы интеллектом и способностями. В остальном успешный человек в реалиях западной культуры (по представлениям наших граждан) — это тот, кто задействовал свой интеллект прежде всего для получения должного образования.

Если говорить о проекции этого символизма в систему практик успеха и в соответствующую нормативную систему, то создающийся при этом нормативный порядок следует отнести скорее к аномийному. Но здесь нет ничего удивительного — в свое время еще Мертон убедительно показал, что в ситуации нестабильности, которую он определял как ситуацию социокультурного дисбаланса, аномийность поведения является ожидаемой системной реакцией [Мертон, 1992].

Чтобы обнаружить какие-либо позитивы в приведенных результатах, можно сказать — определенную надежду на изменение указанного символического регулятора подают различия, которые этот символ обнаруживает в представлениях городской и сельской молодежи, а также юношей и девушек. Молодые люди в селе, не имея того капитала влиятельных и зажиточных родственников, который гораздо чаще имеют их городские сверстники, склонны больше полагаться на себя, направлять свой интеллект на получение образования в качестве ресурса успешности. Девушки, чувствуя, что нормы традиционной культуры выстраивают скорее традиционные ожидания в их адрес, тоже в большей степени настроены на усиление такого ресурса, как образование, надеясь, очевидно, что это может увеличить их шансы на успех в ситуации гендерного неравенства. Самоорганизационная социокультурная динамика не гарантирует нам быстрого выхода этого символического регулятора из довольно маргинального состояния в состояние мейнстрима, но как шанс такая возможность существует, исходя из наличия социальных носителей этого символического регулятивного образа.

И напоследок замечу — будучи адептом постнеклассических взглядов на науку, а потому вполне осознавая, что результаты исследования не могут претендовать на абсолютную объективность (на что надеялась классическая наука) и в значительной мере зависят от хода самого процесса исследования, применявшегося инструментария, теоретической платформы, которая была выбрана в качестве базовой и, наконец, самого исследователя с его ценностными, культурными установками, влияющими на интерпретацию, автор не претендует на неоспоримость полученных выводов. Поскольку сама логика построения исследования и инструментария в основном представлена, читателю предлагается стать в определенной мере соавтором и предложить собственную интерпретацию полученных результатов.

Источники

Ануфриева Р. Психология жизненного успеха. Опыт социально-психологического анализа преодоления критических ситуаций / Р. Ануфриева, Е. Головаха, Л. Сохань и др. — К. : ИС НАНУ, 1995.

Бауман З. Индивидуализированное общество / Бауман З. ; пер. с англ. ; под ред. В.Л. Иноземцева. — М. : Логос, 2002. — 390 с.

Бевзенко Л. Жизненный успех: беседа за круглым столом / Л. Бевзенко, Е. Головаха, Е. Злобина, Н. Шульга // Лидия Сохань. Искусство жизнетворчества. Предназначение. Жизнетворчество. Судьба. Социологические очерки, социально-психологические эссе, интервью, глоссарий. — К. : Издат. дом Дмитрия Бурого, 2009. — С. 287–317.

Бевзенко Л.Д. Смысл жизненного успеха: социально-культурологический контекст / Любовь Бевзенко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2000. — № 1. — С. 34–51.

Бевзенко Л.Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций / Бевзенко Л. — К. : ИС НАНУ, 2002. — 437 с.

Бурдье П. Структура, габитус, практика [Электронный ресурс] / П. Бурдье // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1998. — Т. 1, № 2. — С. 44–59. — Режим доступа : <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1998/2/4bourd.html>.

Бурдье П. Формы капитала / П. Бурдье // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3, № 5. — С. 60–75.

Злобина О.Г. Уявлення про успіх як регулятор поведінкових стратегій особистості / О. Злобіна // Наукові студії із соціальної та політичної психології ; зб. статей. — 2004. — Вип. 8 (11). — С. 85–97.

Мертон Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социологические исследования. — 1992. — № 3–6.

Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. Радаев // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3, № 4. — С. 20–32.

Регуляция социального поведения в ситуации нестабильности: виртуальный круглый стол // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2011. — № 2. — С. 178–202.

Українське суспільство. 20 років незалежності. Соціологічний моніторинг. Т. 1–2. Аналітичні матеріали / за ред. В.М. Ворони, М.А. Шульги. — К. : ІС НАН України, 2011. — 576 с.